

2 марта 1999 года

ИЗВЕСТИЯ

Известия. — 1999. — 2 марта. — с. 7

В надежде на выживание

1 марта в Москве открылся всероссийский театральный форум «Театр — время перемен». С докладом на нем выступил председатель СТД Александр Калягин. «Известия» предлагают читателям его сокращенный вариант.

Александр КАЛЯГИН

Перед заходом солнца

Буду говорить исключительно «от себя». У каждого из нас есть свой опыт жизни и в репертуарном театре, и в антрепризе, и в условиях цензуры, и в условиях свободы. У каждого из нас есть множество проблем, из которых я для начала выделю только одну. Сегодня надо говорить о судьбе того, что мы называем **государственным репертуарным театром**. Именно в таких театрах большинство из нас сформировалось, именно в таких театрах прошла и проходит вся наша творческая жизнь. Когда кто-то пытался пустить слух, что форум собирают для того, чтобы закрыть репертуарные театры, я подивился наивности этой затеи. Это что — подпалить собственный дом? Уничтожить свою семью? Пустить по миру своих родителей и родственников? Таких людей надо было бы немедленно отправить на Канатчикову дачу.

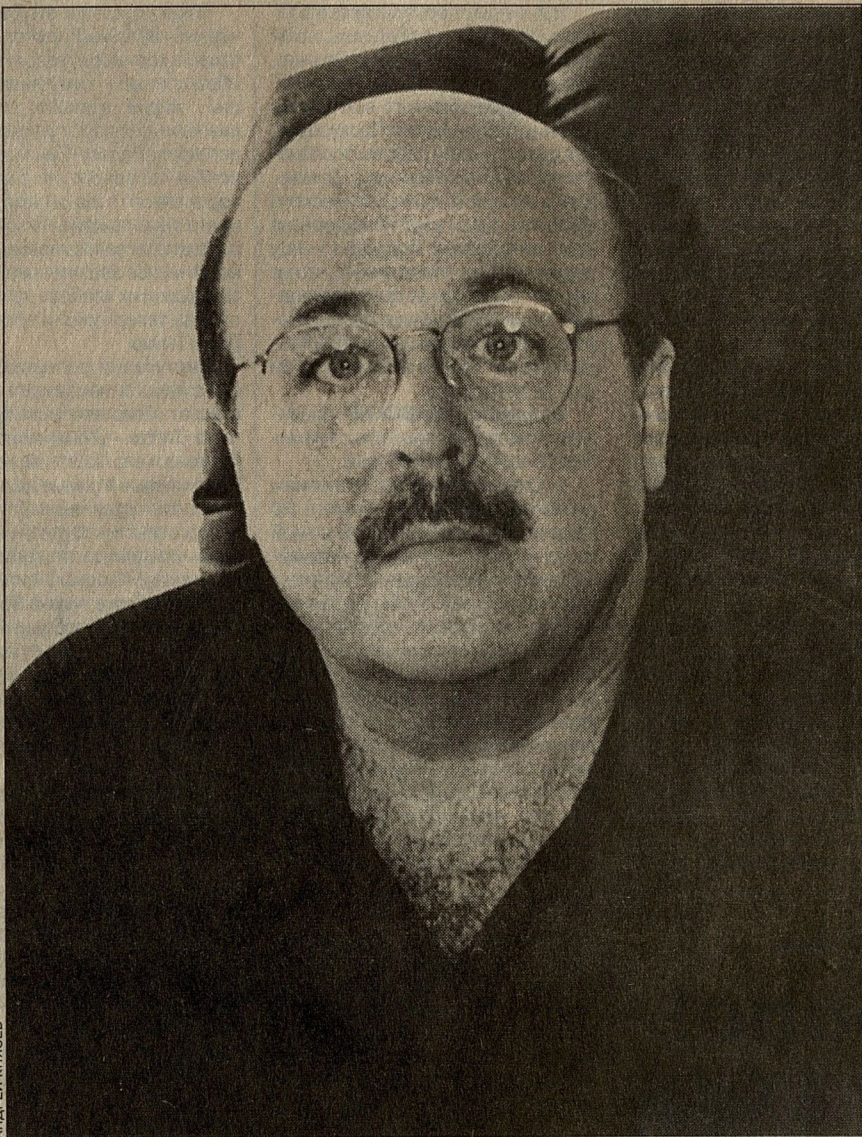
Но ведь и слух -то не зря пустили. В сущности этот слух есть спекуляция на тему, **действительно существующую**. Я хочу эту тему назвать своими словами. Наши замечательные театральные «дома», которыми славилась Россия, порядком поизносились. «Крыша» государственная течет, а то и просто отсутствует. В огромной труппе иногда не сразу поймешь, кто кому родственник. Очаг в некоторых «домах» потух, и зрители не приходят туда согреться. **Театральная система, созданная в одной социально-экономической формации, никак не может адаптироваться к условиям рыночной экономики с ее жесткими правилами естественного отбора**. Вот в чем действительная проблема репертуарных театров, которую нам надо обсудить в эти два дня.

Крыша протекла, но не поехала

Все мы знаем, что в годы советской власти театральная система поддерживалась в основном из идеологических мотивов. В годы нашей свободы государственные театры оказались брошенными на произвол судьбы. Многие коллективы — особенно в тех регионах, где местная власть любит охотиться на кабанов больше, чем ходить в театр, — поставлены на грань выживания. Нищенская зарплата не дает возможности не только творить, но просто жить. Экономическая удавка оказалась действительно не менее опасной, чем удавка идеологическая. При всем при этом свобода раскрепостила нас! Российские театры предлагают сейчас огромный репертуар русской и мировой классики, театры не ударились в дешевку и порнографию, сохраняя по всему пространству России островки духовной культуры. Посмотрите информацию в журнале «Страстной бульвар», эту самую «репертуарную сводку»: что играют театры, **какие названия и сколько раз**. Эти цифры говорят сами за себя. Российский театр не просто выживает, он пытается творить в условиях, часто невыносимых для творчества. Лучше бы, конечно, собираться и говорить о чистом искусстве. Доживем и до этого когда-нибудь. Но сейчас именно об условиях, в которых приходится работать.

Мы не просим денег

Я не хочу сегодня просить дополнительных денег. Я знаю, что бюджет сформирован и никаких других средств у правительства на этот год нет. Стоит говорить об ином. **Как неэффективно, если хотите, неумело расходуются даже те деньги, которые государство выделяет театрам**. В сущности что происходит: стало общим правилом в последние годы финансировать минимум заработной платы и коммунальные услуги (далеко не в полном объеме). Вот и все. Что это значит на практике? Это значит, что государство как учредитель театра заинтересовано только в том, чтобы актер или режиссер не помер с голоду. Этому самому учредителю, оказывается, сов-

Александр Калягин — председатель СТД

сем не важно и даже неинтересно, будут ли эти актеры играть, будет ли этот режиссер что-то ставить. **Постановки спектаклей, как правило, почти по всей России перестали финансироваться**. Спектакли ставятся в основном за счет внебюджетных источников, и это **единственный признак того, что мы все же начали как-то учиться рыночным отношениям**. Но при этом источники эти мутные, не чистые, не прозрачные. Закон о спонсорстве и меценатстве не работает, и все вы знаете почему. Богатые не хотят показывать реальную прибыль, из которой только и разрешено меценатствовать. Многие театры и даже театральные школы выживают на условиях полукриминального «бартера»: об этом говорили откровенно на региональных конференциях. В таких условиях государственная помощь и поддержка оказывается для многих театров решающей.

У нас нет возможности лечь на рельсы. У нас нет возможности серьезного социального протеста. Мы же теперь живем в королевстве кривых зеркал. Если не финансировать творчество, наши театры неминуемо будут деградировать и превращаться в нищенские соборы. Что и происходит повсеместно.

На заседании правительства, где мы обсуждали постановление по театру, я сидел рядом с Михаилом Александровичем Ульяновым, и он сказал: я не могу взять ни одного молодого актера, потому что нет вакантных мест. И не могу вывести на пенсию ни одного своего актера, потому что на пенсию ему не выжить. И это так! Люди **не виноваты в том, что в нашем государстве, работая всю жизнь, можно в старости остаться нищим**. Вот нашим старикам мы обязаны обеспечить этот самый прожиточный минимум. Любым способом — при помощи государственных театров (это их прямая обязанность), спонсоров, специальных нефисных спектаклей.

Антреприза — наука выживания

Может быть, даже при помощи нашей уже вполне окрепшей капиталистической антрепризы, которая могла бы отчислять в

пользу местных пенсионных фондов определенный процент с выручки: такие целевые пенсионные фонды надо создать в каждом областном центре, при Доме актера, отделении СТД или еще как — не нам решать из Москвы. Региональная власть это может сделать очень быстро и эффективно, просто переговорив с теми, кто сегодня объединяет российские антрепризы. Город дает антрепризе на льготных условиях помещение или ту самую свободную площадку, о создании которой говорится в проекте обращения нашего форума. А «звезды» же с чистой совестью платят налог, **не вообще налог, пропадающий в общей дыре, а прямой налог в пользу своих неименитых братьев по профессии**. Это было бы и потоварищески, и по справедливости; и, если хотите, по-русски. Надо нашу антрепризу цивилизовать и не надо пугать ее, как страшным сном. Из недр российской антрепризы, частных театров и товариществ вышли многие величайшие русские артисты — от Шаляпина, Савиной и Стрепетовой до Комиссаржевской и Качалова. Из недр провинциального «товарищества новой драмы» возник Мейерхольд. Императорские и «казенные театры», конечно, конкурировали с частными, но это создавало только богатство нашей театральной жизни. Потому мы и называем российский театр общим «домом» — государственный этот дом или частный, — потому что в этом доме всегда были способны защитить своих родителей. Если этого не может добиться все общество, то в театральном мире мы этого можем добиться уже сейчас.

Театр не должен быть собесом

Социальная защита вещь первостепенная, но она не должна превращать театр в собес. Поэтому и нужен закон о театре, который бы установил новые более ответственные отношения по всей цепочке: город — учредитель — руководитель театра — труппа — театральное здание. Любой участник коллективного дела должен понимать, **что он делает в сезоне, когда он занят, на каких условиях занят и когда свободен**. Эти зада-

чи сформулированы не нами, а нашими предками. На таких условиях был построен МХТ в лучшие его годы до революции. Актеры уходили и приходили, составы были основные, переменные и вспомогательные. Но ядро театра оставалось живым, мобильным, нацеленным на творчество. Немирович-Данченко не зря считал, что половина успеха Художественного Общедоступного была заключена в его организационном устройстве. Разрабатывая правила новой театральной жизни, нам не надо изобретать колесо. Оно уже изобретено, и именно у нас, в России.

О вреде всяких реформ, кроме театральной

Люди, работающие в государственных театрах, по природе своей мало озабочены теми, кто пока на обочине, пробивается, хочет войти в театральную жизнь, не имея никакой государственной поддержки. Вопрос создания конкурентной среды, вопрос помощи новым входящим в мир театральным поколениям — вопрос первостепенной важности. Это проблема не того или иного театра или режиссера, **это проблема всего нашего театрального сообщества**.

Я понимаю, как трудно сейчас говорить о театральной реформе. Я знаю, что даже слово «реформа» вызывает у людей содрогание. Только что прочитал в прекрасной книге, выпущенной специально к форуму, что в Ленком после августовских событий гвоздевой фразой спектакля «Мудрец» стали слова генерала Крутицкого, который хочет сочинить проект «О вреде всяких реформ вообще». На этих словах в зале, говорит Марк Анатольевич, начиналось братание. Да, в нынешних условиях опасно не то что реформировать, но даже просто шевелить и трогать людей театра. Завтрашний день непредсказуем, ситуация нестабильна. Но мы оказались в глубокой яме — я уже не про театр говорю, а про всю нашу жизнь — не потому, что начали реформы. Мы оказались в этой яме потому, что проводили эти реформы кабинетно, без всякой вразумительной подготовки народа, без понимания социальных последствий своих действий и без всякой ответственности перед теми, кто стал жертвой социальных экспериментов. Мы не можем не учитывать этих общих обстоятельств, говоря о совершенствовании театральной системы России. **Мы не можем вести театральную реформу, не объявив явно свои цели всему театральному сообществу**. Неужели мы должны бояться своих товарищей? Что у нас одни Крутицкие, что ли, остались?! В ситуации острого кризиса доверия — а в этом вся суть дела — каждое решение по театральной реформе должно быть взвешенным и осторожным. **Чтобы не навредить**. Абсолютно необходимо, чтобы эта реформа была **публичной, не кабинетной**. Абсолютно необходимо, чтобы сам **театральный народ понял, чего мы хотим и куда идем**. Пусть это будет **переходный исторический период**, пусть он растянется на **десять лет**, но на путь создания цивилизованной театральной системы надо становиться. Альтернативой этому может быть только то, что мы имеем сейчас во многих театрах: склоки, отсутствие искусства, нищета и правовое бесправие творческих людей.

У нас за плечами огромный опыт строителей российского театра XX века. Опыт Станиславского и Мейерхольда, Александра Таирова и Георгия Товстоногова, Олега Ефремова и Юрия Любимова, Андрея Гончарова и Марка Захарова, Анатолия Васильева и Льва Додина, Олега Табакова и Валерия Фокина. Это очень разный опыт. У нас есть трагический случай Анатолия Эфроса, ставшего жертвой той системы, в которой художник был не волен выбирать, с кем ему хочется работать. Мы пока бессильны помочь Петру Фоменко, который шесть лет не может обрести свой театральный дом. Мы не можем помочь ни Борису Львову-Анохину, ни Сергею Женовачу.

Не будем бояться друг друга. Немцы под Москвой давно не стоят, и новый Наполеон нам не угрожает. **Мы занимаемся радостным, прекрасным, смешным, возвышенным делом, которое называется театральной игрой**. Неужели мы настолько тупы, что не придумаем правила, по которым эта игра будет еще более радостной и прекрасной?!